

DOI: 10.17805/zpu.2017.1.6

В поисках утраченной нормативности биотехнологий: как возникают траектории улучшения человека

Р. Р. БЕЛЯЛЕТДИНОВ

Институт философии Российской академии наук

Обоснование границ допустимого является основной темой философского и этического сопровождения биотехнологических проектов. Причиной того, чтобы пересматривать существующие представления о целях применения биотехнологий, могут оказаться как развитие науки, так и появление концепций, реагирующих на философские и этические конфликты, порожденные восприятием биотехнологий.

Современный тип технологической рациональности возникает как результат связывания технологий с биологией и физиологией человека и смешивания искусственного и естественно-биологического содержания науки. Постепенно, но неуклонно происходит переосмысление человека как самодостаточного природного явления, не нуждающегося в каком-либо улучшении.

В статье рассматривается критика утилитаристского подхода к биотехнологиям (Дж. Харрис), ограниченного идеей природы человека как общего блага. Сложность с изменением человека заключается в том, что не всегда удается точно определить человека, которого собираются менять при помощи биотехнологий.

Сложилась такая ситуация, когда как сторонники предостережений об опасностях, которые несет в себе улучшение человека (вплоть до потери не только традиционной формы гуманности, но и самоидентичности на биологическом уровне), так и сторонники радикального улучшения человека, которые, напротив, не видят в человеке как в биологическом и духовном существе ничего, что следовало бы сохранить, находятся в периоде сомнений и размышлений о будущем человека.

Ключевые слова: улучшение человека; биотехнологии; биоэтика

ВВЕДЕНИЕ

Обсуждение и обоснование границ допустимого является основной темой философского и этического сопровождения биотехнологических проектов. Причиной этого может быть как развитие биотехнологий, так и появление философских концепций, реагирующих на философские и этические конфликты, порожденные социогуманитарным восприятием биотехнологий.

По мнению голландского ученого Х. Раддера (Radder, 2009), сами технологии представляют собой источник нормативности: «Внутренняя нормативность технологий — положение отчасти теоретическое, поскольку вытекает из теоретической спецификации технологий как артефактных функциональных систем с определенным уровнем стабильности и воспроизводимости. С другой стороны, оно является эмпирическим, поскольку внутренне присущая технологиям нормативность является прямым следствием реальной изменчивости человеческого поведения...» (Раддер, 2012: 263). Между тем биотехнологии, эксплицированные на человека, можно представить в виде конкурирующих траекторий философского анализа будущего человека.

Современный тип технологической рациональности возникает как результат связывания технологий с биологией и физиологией человека и смешивания искусственного и естественно-биологического содержания науки. Постепенно, но неуклонно, происходит переосмысление человека как самодостаточного природного явления, не нуждающегося в каком-либо улучшении. Стираются различия между животным, человеческим и механическим мирами, человек теряет свою онтологическую исключительность и стабильность, вытекающую из незрелости биологических, медицинских, генетических знаний.

С точки зрения американской исследовательницы науки и технологий Д. Харавей, человек последовательно отходит от концепции своего уникального, особого положения в мире через «травмы»¹, возникающие в результате открытий, приводящих к научным революциям. Следуя за З. Фрейдом, Харавей дополняет три вида травм, изменивших представления человека о самом себе, четвертой, связанной с информационной революцией, стиранием границ между биологическим телом и технологиями и, в конечном счете, формированием интенции на киборгизацию человека (Haraway, 2008: 12).

В статье предпринимается попытка показать, что в случае реализации идеи биотехнологического улучшения человека как некоторого системного процесса (улучшения эволюции человека), с одной стороны, не всегда возможно провести определенную границу между представлением о человеке как некотором источнике философской и этической нормативности и биотехнологиями. С другой стороны,

биотехнологии в процессе своего развития сами способны задавать траектории улучшения человека и формировать новые потенциальные формы биотехнологической нормы.

ВОЗМОЖНО ЛИ УЛУЧШИТЬ ЧЕЛОВЕКА?

Исследователь науки и технологий С. Фуллер, рассматривая концепцию философа Дж. Харриса об «усовершенствованной эволюции» (Harris, 2007), проводит деконструкцию утилитарного научного дискурса (Fuller, 2011: 150–160).

Харрис полагает, что совершенствование человека — вполне разумный путь развития, если оно не противоречит анализу риска и пользы. Так, разместить глаза на затылке, если это возможно осуществить технически, было бы глупо, поскольку не ясно, что это дает с точки зрения блага для человека. В то же время в ситуации, когда в силу экологических изменений человеку понадобится кожа зеленого цвета и биотехнологически эту проблему можно будет решить, мы, с точки зрения Харриса, обязаны будем не только поменять цвет своей собственной кожи, но также передать этот признак своим детям (Harris, 2007: 38). При этом Харрис рассматривает трансгуманизм и концепцию рациональной автономии, которая, собственно, и формирует трансгуманистический дискурс, как обстоятельство вероисповедания. К примеру, по мнению Харриса, быть трансгуманистом — все равно что быть христианином или мусульманином.

Фуллер полагает, что утилитаристские взгляды Харриса в отношении совершенствования человека не принимают во внимание истинный масштаб возможностей подлинной биотехнологической революции, фокусируясь лишь на концепции конъюнктурного улучшения человека.

С. Фуллер предлагает посмотреть на концепцию улучшения человека значительно шире, взяв в скобки целостность тела человека. Например, он ссылается на роман С. Льюкса «Любопытное прозрение профессора Каритата» (Lukes, 1995). В этом произведении представлена утопия «Утилитария», где граждане считают своим наследством части собственного тела, являющиеся благодаря биотехнологиям предметом завещания. Идея такой утопии может быть продолжена включением в число телесных частей, которые могли бы быть так или иначе использованы, и тел животных. Более того, развивая свои мысли и ссылаясь на опыт нацистской Германии, Фуллер полагает, что в случае последовательного развития подобного сценария утилитаристского будущего он может быть дополнен сюжетом «выбраковки» человека в ходе установления «устойчивой экологии» между различными видами (Fuller, 2011: 152).

По мнению Фуллера, существует дилемма приоритета естественной эволюции (дарвинизма) и искусственного отбора (менделизма). Одержит ли эволюция верх над искусственной биологической модификацией либо, наоборот, искусственно созданные виды окажутся более жизнеспособны, чем виды, возникшие в процессе естественного отбора? В первом случае в погоне за реализацией идеи супермена силами конвергирующихся технологий неизбежно произойдет исчезновение человека как вида и рано или поздно замещение человека какими-то другими биологическими существами, которые возникнут в ходе эволюции. Фуллер называет иллюзию сохранения человека в мире свободного биотехнологического совершенствования «сизифовым трудом трансгуманизма», имея в виду работы Германа Меллера, получившего Нобелевскую премию за открытие генетических мутаций под воздействием рентгеновского облучения, многие из которых были смертельны для живых организмов. Идея Мел-

лера, на наш взгляд, состояла в том, что необходимо сохранить генофонд, деградирующий под ударами загрязнения окружающей среды. В случае «усовершенствованной эволюции» роль окружающей среды получают биотехнологии.

Если же предположить, что в долгосрочной перспективе искусственно усовершенствованные организмы окажутся жизнеспособны и заменят естественные, мы получим совершенно фантастические версии будущего, где от человека остается только функция интеллектуализированной биологической адаптации под конкретные условия существования.

Это может быть связано с расширением круга свойств, взятых из любой формы материи — будь то животные или, к примеру, пластик. Карбон, силикон, животные, приспособленные для жизни в экстремальных условиях, могут стать субстратом, куда будет помещена рациональная функция человека.

КОНЦЕПЦИЯ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ»

Однако сложность с изменением человека заключается в том, что не ясно, что же есть человек, которого собираются менять при помощи биотехнологий. Фуллер справедливо замечает, что, по сути, Харрис разделяет идею природы человека точно так же, как и его оппоненты-философы, которых он критикует, — Ю. Хабермас и Ф. Фукуяма. Рациональный трансгуманизм у Харриса связан с кругом философских вопросов, где отвлеченная форма, в данном случае человечность, зафиксированная в биологическом носителе — геноме, должна подвергнуться улучшению.

Фуллер полагает, что идея универсалий, когда вещь имеет некую субсистенцию-форму, замещающую сущность, — это начальная точка размышлений о человеческой природе, которая между тем архаична для современной науки, хотя она и сохраняет актуальность в современной философской рефлексии (Fuller, 2011: 158). Харрис предлагает усовершенствовать эволюцию: для этого необходим объект совершенствования — идеальная природа человека, такая же ускользающая абстракция, как и универсалии.

Деконструкция «усовершенствованной» эволюции в ее наиболее радикальном утилитаристском виде обнаруживает несколько важных обстоятельств. Во-первых, идея «усовершенствованной эволюции» предполагает использование консервативного понятия «природа человека», в котором человек представляется сущностью, изолированной от животного или машинного мира.

Однако близость между человеком и животным не столь уж непреодолима, поскольку за основу берется культурное измерение мира человека, жестко отделенного от мира животных. Между тем то, что верно для культурно-исторического ландшафта, совершенно не соответствует биотехнологическим реалиям. Апеллируя к максиме «наибольшее благо для наибольшего числа людей», в контексте биотехнологий есть риск превратить ее в максимум «наибольшее благо для X», где переменная X может быть заменена на что угодно — от киборга до разумной ящерицы, при этом вопрос о природе человека просто исчезнет. Превращая биотехнологии в механизм рациональной адаптации к природной среде человека как вида, решая проблемы социальной самореализации на базе уверенности человека в нерушимости своего видового эссенциализма, который культурно вынесен за пределы животного мира, социум рискует не найти точку опоры — объект той самой эволюции, которую предполагается улучшить.

Второй важный момент — место идеи улучшения человека в истории философского секулярного гуманизма. Кризис антропоцентрических концепций, фактически

сдерживающих развитие биотехнологий, освободил интеллектуальное пространство для смелых биотехнологических видений. Дополненная универсальным языком науки — утилитаризмом, новая разновидность биотехнологического гуманизма, похоже, становится актуальной идеей.

Важно отметить и тот факт, что, казалось бы, такая очевидная вещь, как природа человека, при более близком рассмотрении рассыпается на множество фрагментов: способность смеяться, сострадать, рационально мыслить и т. п., — каждый из которых отдельно не может претендовать на то, чтобы быть «маяком», на который следует держать курс, реализуя программу совершенствования человеческой эволюции.

Третьим важным аспектом является возможность принуждения к использованию биотехнологий. Сегодня широко обсуждается тема когнитивного улучшения человека, и важно отметить, что ценность интеллектуальной эффективности конструируется стихийно, как запрос, в то время как для когнитивного улучшения человека не существует острого контекста «честной игры», как это происходит в спорте при формировании строгого запрета на допинг.

Сложилась такая ситуация, когда ни те, кто предостерегает об опасностях, которые таит в себе улучшение человека (вплоть до потери не только традиционной формы гуманности, но и самоидентичности на биологическом уровне), ни те, кто, напротив, не видит в человеке как в биологическом и духовном существе ничего, что следовало бы сохранить, — не могут привести какие-либо решающие аргументы, позволяющие выбрать определенный курс действий.

Например, довольно часто против трансгуманизма используется аргумент *slippery slope*, или «скользкий путь», обозначающий условия, при которых те или иные обоснованные уступки и отступления от общего этического принципа могут оказаться началом или поводом для более значительных послаблений, способных привести к нежелательным последствиям. Классический пример «скользкого пути», ведущего к негативным последствиям, — предимплантационная диагностика, аборт, эвтаназия — практики, обесценивающие человеческую жизнь.

Между тем возможно использование аргумента «скользкого пути» не только в негативном, но также и в позитивном смысле, не в качестве опровержения, а как обоснования биомедицинских исследований, направленных на улучшение человека.

Различают три типа аргументов «наклонной плоскости» (McNamee, Edwards, 2006). Первый тип — «принцип зубила» — предполагает, что некое действие, острое зубила, становится прецедентом, из которого следуют другие прецеденты. Однако то же действие-прецедент может рассматриваться не только как источник опасности, но и как позитивный и желательный результат исследования. Например, если разрешить модификацию наследуемых генетических клеток, это позволит избавиться от передающихся по наследству заболеваний, что может стать прецедентом для других типов модификаций, улучшающих, например, умственные возможности человека.

Второй тип аргумента основан на невозможности провести точную демаркационную линию, отделяющую восстановление здоровья от улучшения человека. Так, если рассматривать лечение методом генетической модификации клеток как улучшение, то и совершенствование можно рассматривать как лечение.

Третий тип аргумента основан на эффекте домино, который может быть не только негативным, но и позитивным. Скажем, непредсказуемая череда последствий удачного вживления чипа памяти способна вызвать положительное влияние на психику человека или улучшить работу мозга.

Таким образом, даже ограниченные направления применения биотехнологии могут стать источником открытий, которые имеют потенциал превратиться в нормы, правила и цели будущих исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Критика улучшения человека основывается на поддержании status quo применения биотехнологий, где человек рассматривается как конечная цель только с биологической точки зрения или с точки зрения биологического детерминизма. В то же время проекты улучшения человека считаются избыточными, а предложения, направленные на дополнение и расширение или даже изменение природы человека, воспринимаются как излишество. Например, этические рекомендации по развитию биотехнологий имплантатов, многие из которых можно рассматривать как технологии улучшения человека, строятся на традиционном разграничении лечения и улучшения человека.

Но социальный отклик общества на развитие биотехнологий, вершиной которого являются технологии улучшения человека, остается одним из немногих работающих критериев, определяющих границы нормативности для биотехнологий. Ведь без общественной дискуссии никто не сможет быть уверенным в том, что разрабатываемые сегодня биотехнологии если и не приемлемы, то хотя бы желательны.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Отказ от концепции геоцентризма в связи с открытием Коперника (XVI в.), теория эволюции Дарвина (XIX в.), теория З. Фрейда о роли бессознательного в личности человека (XX в.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Раддер, Х. (2012) О внутренне присущей технологиям нормативности / пер. с англ. О. Е. Столярова // *Онтологии артефактов. Взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира* / ред. О. Е. Столярова. М. : Дело. 454 с. С. 249–269.
- Haraway, D. J. (2008) *When species meet*. Minneapolis : University of Minnesota Press. 421 p.
- Fuller, S. (2011) *Humanity 2.0: What it Means to be Human Past, Present and Future*. NY. : Palgrave Macmillan. 265 p.
- Harris, J. (2007) *Enhancing Evolution. The Ethical Case for Making Better People*. NJ. : Princeton University Press. 242 p.
- Lukes, S. (1995) *The Curious Enlightenment of Professor Caritat: A Comedy of Ideas*. London : Verso. 269 p.
- McNamee, M. J., Edwards, S. D. (2006) *Transhumanism, medical technology and slippery slopes* // *Journal of Medical Ethics*. № 32. P. 513–518. DOI: 10.1136/jme.2005.013789
- Radder, H. (2009) *Why Technologies are Inherently Normative* // *Philosophy of Technology and Engineering Sciences*. V. 9. Eindhoven : Eindhoven University of Technology. P. 887–922. DOI: 10.1016/B978-0-444-51667-1.50037-9

Дата поступления: 13.12.2016 г.

*IN SEARCH OF LOST NORMATIVITY OF BIOTECHNOLOGIES:
THE WAY HUMAN IMPROVEMENT TRAJECTORIES APPEAR*

R. R. BELYALETDINOV

INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Justification of the boundaries of the permissible is the main theme of philosophical and ethical support of biotechnological projects. The reason to revise the existing ideas about the goals of using biotechnologies can be both the development of science and the emergence of concepts responding to the philosophical and ethical conflicts generated by the perception of biotechnologies.

The modern type of technological rationality arises as a result of binding technologies with the human biology and physiology as well as mixing artificial and natural biological science contents. Gradually but steadily, there happens reconsideration of the human being as a self-sustaining natural phenomenon that does not require any improvement.

The article deals with the criticism of the utilitarian approach to biotechnologies (by J. Harris), limited by the idea of human nature as the common good. The difficulty connected with the change of the human being is that it is not always possible to determine the human being as a subject to change with the help of biotechnologies.

There is such a situation, when both the supporters of the warnings about the dangers posed by the improvement of people (up to the loss of not only the traditional form of humanity, but also of self-identity at the biological level), and those supporting the idea of radical human improvement that, on the contrary, do not perceive the human being as having biological and spiritual qualities that should be retained, are in a period of doubt and reflection on the future of the human being.

Keywords: human improvement; biotechnologies; bioethics

REFERENCES

Radder, Kh. (2012) О внутренне присущей технологической нормативности, transl. by Engl. by O. E. Stoliarova. In: *Ontologii artefaktov. Vzaimodeistvie «estestvennykh» i «iskusstvennykh» komponentov zhiznennogo mira*, ed. O. E. Stoliarova. Moscow, Delo. 454 p. Pp. 249–269. (In Russ.).

Haraway, D. J. (2008) *When species meet*. Minneapolis, University of Minnesota Press. 421 p.

Fuller, S. (2011) *Humanity 2.0: What it Means to be Human Past, Present and Future*. NY., Palgrave Macmillan. 265 p.

Harris, J. (2007) *Enhancing Evolution. The Ethical Case for Making Better People*. NJ., Princeton University Press. 242 p.

Lukes, S. (1995) *The Curious Enlightenment of Professor Caritat: A Comedy of Ideas*. London, Verso. 269 p.

McNamee, M. J. and Edwards, S. D. (2006) Transhumanism, medical technology and slippery slopes. *Journal of Medical Ethics*, no. 32, pp. 513–518. DOI: 10.1136/jme.2005.013789

Radder, H. (2009) Why Technologies are Inherently Normative. *Philosophy of Technology and Engineering Sciences*, v. 9. Eindhoven, Eindhoven University of Technology. Pp. 887–922. DOI: 10.1016/B978-0-444-51667-1.50037-9

Submission date: 13.12.2016.

Белялетдинов Роман Рифатович — младший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: + 7 (495) 697-90-67. E-mail: roman_rb@iph.ras.ru

Belyaletdinov Roman Rifatovich, Junior Research Fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12 Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation 109240. Tel.: + 7 (495) 697-90-67. E-mail: roman_rb@iph.ras.ru.